

УДК 82-311.1: 821.581

Л. В. Дубаков

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Чжэн Цяньцянь

<https://orcid.org/0000-0001-9057-6916>

**Мотив преодоления истории и судьбы и буддийское мировидение
в романах А. Л. Иванченко «Монограмма»
и Мо Яня «Устал рождаться и умирать»**

Для цитирования: Дубаков Л. В., Чжэн Цяньцянь Мотив преодоления истории и судьбы и буддийское мировидение в романах А. Л. Иванченко «Монограмма» и Мо Яня «Устал рождаться и умирать» // Мир русскоговорящих стран. 2021. №2 (8). С. 75–86. DOI 10.20323/2658-7866-2021-2-8-75-86

В статье анализируются мотивы преодоления истории и судьбы в романах А. Л. Иванченко «Монограмма» и Мо Яня «Устал рождаться и умирать» в контексте буддийского мировидения обоих авторов. Образы главных героев, хронотоп, тематика и проблематика произведений рассматриваются сквозь призму буддийских установок, присутствующих в книгах, также производится сравнение жизненных стратегий и стратегий ухода персонажей российского и китайского писателей. Герои Иванченко и Мо Яня, перерождаясь, избавляют свою карму и карму своей семьи, побеждая аффективные состояния и приходя к завершению жизненного цикла. Они познают условность отдельного человеческого существования посредством связи с мотивом зеркальности (у российского автора) и близости к животному и растительному миру (у автора китайского). Образы главных героев в русском и китайском романах отличаются сложной структурой сознания, тяготеющей к мультиплицированию и выявлению своей иллюзорной природы. Время в обоих романах имеет циклический характер и фактически лишено движения, несмотря на присутствие героев в актуальной политической истории. Пространство обоих книг стремится к превращению в миф, просвечивая образами вечности сквозь земную конкретику места: героиня «Монограммы» пребывает в буддийском «зазеркалье», герой «Устал рождаться и умирать» – в усадьбе, являющейся моделью мифологического космоса. Неоднозначная история Китая и России прошлого века, политические экстремумы у А. Л. Иванченко и Мо Яня становятся точкой отсчета для развертывания внутреннего сюжета, сюжета буддийского преображения главных героев, обретения ими буддийского покоя.

Ключевые слова: Мо Янь, А. Л. Иванченко, Китай, Россия, буддизм, зеркало, время, зооморфная метафорика, преодоление, перерождение.

© Дубаков Л. В., Чжэн Цяньцянь, 2021

L. V. Dubakov, Zheng Qianqian

**The motive of overcoming history and fate and the Buddhist worldview
in A. L. Ivanchenko's novel "Monogram"
and Mo Yan's "Tired of being Born and Dying"**

The article analyzes the motives of overcoming history and fate in the novels by A. L. Ivanchenko "Monogram" and Mo Yan "Tired of Being Born and Dying" in the context of the Buddhist worldview of both authors. The images of the main characters, the chronotope, the themes and problems of the works are examined through the prism of the Buddhist attitudes presented in the books; and life strategies and escape strategies of the Russian and Chinese characters are compared. The reborn Ivanchenko and Mo Yan's characters overcome their karma and their family's karma by conquering affective conditions and coming to the end of the life cycle. They discover the conventional nature of a human's existence through the motif of mirroring (the Russian author) and proximity to the wildlife (the Chinese author). The protagonists in the Russian and Chinese novels are characterized by a complex structure of consciousness, which tends to multiply and reveal its illusory nature. Time in both novels is cyclical and virtually devoid of movement, despite the presence of the characters in the actual political history. The space of both books tends to turn into a myth, revealing images of eternity through the earthly specifics of the place: the heroine of "Monogram" is in the Buddhist "looking glass", while the hero in "Tired of being born and dying" is in the manor, which is a model of mythological cosmos. The controversial history of China and Russia of the previous century, A. L. Ivanchenko and Mo Yan's political extremes become a starting point for unfolding the internal plot, the plot of the heroes' Buddhist transformation and finding their Buddhist peace.

Key words: Mo Yan, A. L. Ivanchenko, China; Russia, Buddhism, mirror, time, zoomorphic metaphors, overcoming, rebirth.

Роман А. Л. Иванченко «Монограмма» (1988) и роман Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2006), с одной стороны, не похожи друг на друга так же, как российский и китайский XX век. Однако, с другой, оба эти произведения исследуют историю большой семьи и конкретного человека, который смотрит в свое и чужое трагическое прошлое и драматическое настоящее и пытается его преодолеть. Оба романа исходят из буддийского понимания жизни, которая страда-

тельна, и которая так или иначе продолжается после смерти, если не достигнуто окончательное Освобождение. Оба романа перекликаются, прямо или опосредованно сводя русскую и китайскую культуры. Наконец, оба этих романа обладают многоцветной оптикой, которая позволяет им взвешенно оценивать то, что происходило десятилетия назад.

Главную героиню романа «Монограмма» зовут Лидия Черновол, у нее «атласистое, с корридой, имя»

[Иванченко, 2005, с. 3]. Имя скрывает ее в том смысле, что в конце «Монограммы» обозначается ее метафизическое совпадение с Шестым патриархом чань-буддизма Хуэйцзэном, Ли Ду. Ближе к финалу романа впервые они совпадают именами (омоформы – в конце и в начале двух соседних абзацев): «*Ли Ду затянул потуже пояс и отправился в путь*» – «*Что привлекает Лиду в индийской мысли <...> так это мощный дух самоотрицания*» [Иванченко, 2005, с. 311]. Имя открывает ее подлинную природу через образ корриды и вола, быка – символ сознания, которое позже будет усмиряться Ли Ду.

Лида живет в городке У., «на этой самой запредельной букве русского алфавита (звук «у», уводящий в бесконечность, в тоску), вечно незавершенной, несмотря на свое вопиющее излишество, нахлобучены шапки снега» [Иванченко, 2005, с. 3–4]. И далее образ места будет поддержан рядом ассонансов, акцентированных ударной позицией или позицией в начале или конце слова. Запредельность и незавершенность звука и буквы «у» размыкают ограниченное пространство маленького городка.

Ключевые образы «Монограммы» – образы зеркала и времени. Обращаясь к образу зеркала кармы, роман А. Л. Иванченко отражает деяния персонажей, приведших страну к катастрофе. Коллективизация, изображенная в романе, заводская и лагерная реальность 30-х

годов и последующих лет, таким образом, есть следствие выбора страной крайнего материалистического учения. Фотография №1 из фотоальбома матери Лиды соотносится с информацией о дэвах и асурах, обитателях двух секторов буддийского космоса, бхавачакры, колеса бытия. Дэвы и асуры тесно связаны между собой, однако асуры сделали выбор в пользу неистинного, высокой жизненной активности, обрели силу и богатство, но быстро их утратили. Иными словами, по мнению А. Л. Иванченко, деятели новой государственности, подобно асурам, проявляя зависть, гнев, гордость, воинственность, добиваются власти и теряют ее вследствие неблагодатной природы ее происхождения, а мир вокруг них приходит в запустение.

Сама Лида обладает признаками зеркальности: она скользит «*призрачной рукой по тени*» [Иванченко, 2005, с. 4]. Она «*худенькая, призрачная, прозрачная*» [Иванченко, 2005, с. 26]. У нее «*тоненькие, сквозящие небытием пальцы*» [Иванченко, 2005, с. 26]. Зеркало обнаруживает ее двойника в зазеркалье – как позже в зазеркалье обнаружится двойник Пятого патриарха и как позже она сама то ли станет двойником, то ли обретет двойника в Шестом патриархе, обнаружив у себя на столе доставшиеся Ли Ду «*символы духовной власти*» [Иванченко, 2005, с. 379] Пятого патриарха. Ли Ду в финале плывет по реке, в которой отража-

ется звездное небо («мерцание светляков» – то ли насекомых, то ли метафорически – звезд), «мимо гор, лесов, полей, мимо опущенных в воду ив» [Иванченко, 2005, с. 377–378] и как будто переходит в Россию Лиды.

Зеркало – это также инструмент духовной работы Лиды. Задача Пятого патриарха Хунжэня и ее решение Ли Ду (и Лидой): «Бодхи изначально не имеет опоры, / Зеркало (концептуализирующего разума – прим. Л. Д.) не имеет подставки, / Природа Будды всегда ясна и чиста, / Где же собраться пыли?», – обнаруживает буддийские идеи об окончательном Освобождении из сансары, об алогичной стратегии ухода от сансарической реальности, о необходимости отказа от дискурсивной мудрости. Сразу за «Второй кринкой молока» идет пассаж, посвященный осмыслению Лидой того, как функционирует ум и создаваемая им реальность: «Мир, порожденный разумом, – как отраженная в воде луна» [Иванченко, 2005, с. 230–231]. Эта луна появится позже в истории обуздания ума, которое будет переживать Ли Ду, в описании стадии «Луна, теряющая свое отражение»: луна останется одна, в пустоте, забыв про путь, его прохождение, мир вокруг и цель пути.

Другой ключевой образ «Монограммы» – это образ времени. Время для Лиды – один из инструментов разотождествления себя с сансарическим бытием. Фактически

так объясняется ее интерес к фотоальбому матери, пристрастие к старинному искусству в библиотеке и, вероятно, один из принципов структурирования текста – по номерам фотографий. В. Н. Курицын говорит об этом фотоальбоме как о мертвом музее, однако можно его помыслить и как галерею зеркал, отражающих (в) прошлое (,) в настоящее и в будущее. Мать Лиды ценит эти фотографии «как саму жизнь»; фотография оказывается иллюзией жизни, которая сама, по сути, иллюзорна [Иванченко, 2005, с. 5].

Время – то, что повторяется, имеет циклический характер и, в общем, даже не существует в своем движении. История Шестого патриарха временным пересечением проявляется в Лидиной истории: «В этой вибрации, смятении времени, пространства, в двоении вдруг являлось все разом – не прошлое, настоящее и будущее по отдельности, а все сущее разом, одновременно» [Иванченко, 2005, с. 5]. Это отражается и в предметном мире, где отдельные вещи – до появления Шестого патриарха – анонсируют скорое его появление: на фотографии простой крестьянки Галины Аверьяновны, бабушки Лиды, на столике стоит белая китайская ваза; в начале романа в библиотеке Лида «длинной бамбуковой палкой» открывает форточки, Пятый патриарх в финале книги передает Ли Ду свою бамбуковую трость, которая, ставши золотой, оказывается на

столе у Лиды; глиняная кринка, в которую супруга Юньмэня надаивала молоко для Насти, а сам китаец, согласно метафорическому определению, – молоко буддийского Учения для Лиды, оборачивается в конце глиняной патрой, чашей для подаяния, которой стал владеть Шестой патриарх и параллельно – Лида [Иванченко, 2005, с. 5].

Итак, роман А. Л. Иванченко много раз поднимает вопросы о существовании человека в концептуализированной реальности, о статусе человеческого «я», о правильном отношении к страданию. Каждый из этих вопросов решается автором по-буддийски: необходимо выйти за пределы концептуализированного восприятия; «я» иллюзорно и является корнем страдания; осознанное страдание – способ совладать с сансарическим бытием, с трагическим прошлым.

Буддийское преодоление персональной сансары сопряжено в «Монограмме» с преодолением истории. По словам Т. Е. Сорокиной: *«В романе Александра Иванченко «Монограмма» формой исхода («из социально структурированного, идеологически мотивированного бытия» – прим. Л. Д.) оказывается буддизм, характер которого проясняется в отталкивании от образов истории минувшего столетия»* [Сорокина, 2011, с. 18].

Ключевые темы и идеи романа «Монограмма» А. Л. Иванченко при этом обретают смысл, прежде всего, именно через буддийское

миропонимание. Так, зеркало в буддизме символизирует изначальную чистоту сознания и пустотность реальности. Одновременно зеркало и его отражения фиксируют иллюзорную природу сансарического бытия. Зеркало – граница между сансарой и нирваной. Зеркальность самой героини, зеркальность иных персонажей, зеркальность мира, изображенного в «Монограмме», русская история и ее отражения в образах бхавачакры (сюжеты романа, связанные с иллюстрационными образами двенадцати нидан), зеркальное отражение событий в жизни Лиды и совершаемых ей буддийских медитаций и звучащих буддийских учений, зеркальное отражение истории Лиды и Ли Ду – все это конкретные реализации буддийской символики зеркала у А. Л. Иванченко. Время в буддизме циклично, неравномерно, скорость его течения зависит от характера внешней реальности и внутреннего мира живых существ. Время в буддизме иллюзорно, так как деление на прошлое, настоящее и будущее считается условным, поскольку есть только настоящее время и поскольку подлинная природа реальности имеет вневременный характер. Обращенность героини в прошлое своей семьи и своей собственной жизни с целью разотождествления с настоящим; временные параллели и совпадения, приводящие к мысли об иллюзорности деления времени на три потока; восприятие времени как

того, что аннигилирует реальность, – все это конкретные реализации буддийской символики времени в «Монограмме».

В романе «Устал рождаться и умирать» слышатся разнообразные отзвуки русской литературы. Так, например, эпизод с убийством вола Симэнем Цзиньлуном вызывает в памяти первый сон Раскольникова из «Преступления и наказания». А в другом месте Мо Янь прямо цитирует «Тихий Дон». Но значительно большее количество мотивных и сущностных совпадений обнаруживается между романом Мо Яня и романом А. Л. Иванченко, особенно если учитывать весь его китайский бэкграунд. При том что нет сомнений, что первый не читал второго. Но, вероятно, бывает так, что совпадения оказываются тем более глубоки, чем более они случайны.

Мо Янь в романе «Устал рождаться и умирать» использует оригинальный сюжетный ход: главный герой, расстрелянный в самом начале текста, оказывается в загробном царстве у Яньло-вана, китайской версии буддийского божества ада, и получает от него несколько новых рождений. И таким образом убитый помещик Симэнь Нао, мать которого была буддисткой, оказывается героем с мигрирующим сознанием, он поочередно становится Ослом Симэнем, Волом Симэнем, Хряком Симэнем, Псом Симэнем, Обезьяной Симэнем (Тун Дань Дань высказывает идею о том,

что в романе описывается два круга перерождений: *«Один из них – это малый цикл: а именно перерождение Симэнь Нао в образах животных. Другим кругом является большая реинкарнация, то есть изменение статуса земли – переход от частной собственности к государственной и снова обратно в частную собственность»* [Тун, 2017, с. 234–235]). В конце романа в награду за терпение и сострадание, а также за приращенную мудрость Яньло-ван дарует ему новое человеческое рождение. От рождения к рождению человеческое сознание и память о прошлых воплощениях будут у него утрачиваться, и тем не менее преемственность образов сохранится. В первый раз оказавшись у Яньло-вана, Симэнь Нао говорит о своей невиновности, однако автор, характеризуя каждое его воплощение, показывает его неизжитые страсти, проявляющиеся в определенных телесных формах: *«Я смотрел на его большую голову <...> на то проявляющиеся, то исчезающие облики различных животных – осла с его вольностью и разнузданностью, вола с непосредственностью и упрямством, свиньи с алчностью и свирепостью, пса с преданностью и заискиванием, обезьяны с проворностью и озорством»* [Мо, 2014, с. 34]. Симэнь Нао, таким образом, подобно Лидии Черновол, обуздывает вола (и прочих животных) своего сознания.

Картины меняющейся реальности после 1949 года у Мо Яня схо-

жи с тем, как описывает коллективизацию А. Л. Иванченко: налаженная жизнь, социальная и хозяйственная, тонет в натуралистически изображенном, напряженном кровавом противоборстве, и далеко не все победившие заслуживают победы и будущего. Очевидная несправедливость, проявляемая по отношению к бабушке и бабушке Лиды, к ее матери со стороны новой власти, и аффекты, которые эта несправедливость пробуждает, прерываются у А. Л. Иванченко текстовым блоком, который посвящен описанию буддийской медитации майтри-бхавана, медитации безграничной любви. Лида как продолжение своей семьи переживает переданные ей по наследству страсти, семейную карму, на которую намекает автор в одном из пассажей романа – про близость духовных путей палача и жертвы.

Симэнь Нао рождается в звериных телах, но в своей усадьбе, оставаясь внутри большой семьи. Не раз, в связи с этим в «Устал рождаться и умирать» проявляется мотив тонких и таинственных духовных связей, порождаемых в результате вечного вращения колеса перерождений: жестокое обращение с Симэнем Нао в облике вола со стороны его сына вызывает резкое неприятие автора. Сын не узнает отца не потому, что тот воплотился в теле животного, а потому что материалистическое мировоззрение заслонило для него откры-

тую навстрече тайне веру предков, которые ощущали единство мира.

Мир людей и мир животных в романе предельно сближены. Крестьяне живут рядом с животными: «Нам как раз такие женщины и нужны, чтобы растили общих свиней как собственных детей!», – а эти животные антропоморфизированы, наделены человеческой разумностью и человеческим голосом (история вражды, а после – дружбы Хряка Симэня и хряка Дяо Сяосаня) [Мо, 2014, с. 76]. Мо Янь активно использует зооморфные сравнения и метафоры: лицо Ху Биня «поблескивало, как у очковой змеи», кровь у Цзиньлуна «в жилах поядовитее, чем хвост скорпиона», «смотрел издали на неуклюжую по-медвежьи фигуру старины Лань Ляня» [Мо, 2014, с. 66, 67, 164]. Предметы, связанные с людьми, даже растения наделяются признаками животных: «В руках Сунь Бяо <...> горн поначалу ревел побычьи», «Имитация армейской шапки выцвела и сморщилась, став похожей на мошонку охолощенного быка», «кукуруза в седьмом месяце вымахает со слоновьи бивни, а пшеница в восьмом свесит крупные колосья собачьими хвостами» [Мо, 2014, с. 57, 66, 144]. Наконец, даже в металитературном плане Мо Янь обращается к зооморфной образности, приделывая «хвост» к истории Лань Цзефана [Мо, 2014, с. 191].

Время в романе «Устал рождаться и умирать», с одной стороны, линейно и устремлено в будущее –

в XXI век, с другой – почти стоит на месте, ведь Лань Цяньсуй рассказывает о своих прошлых рождениях из настоящего времени, а, значит, прошлое и настоящее оказываются соединены, закольцованы, с третьей – время семьи Симэнь Нао, вроде бы устремленное в будущее, на самом деле уходит, все постепенно умирают: *«Цифры разлетелись в стороны, от времени остались лишь осколки»*, с четвертой – в романе есть параллельный поток времени, это царство Яньло-вана, с пятой – весь мир без исключения пребывает в состоянии круговращения, и все снова и снова возвращается [Мо, 2014, с. 168]. Но, как и у А. Л. Иванченко, главный герой не расценивает это вечное возвращение как благо, потому что сансарическая реальность страдательна: *«У всякой живой твари в поднебесной свое знание. Всякое страдание: рождение, старость, болезни, смерть – и превратности судьбы: печали и радости, разлуки и встречи – суть исполнение закона, и обратного хода ему нет»*, а *«мирские дела как дым»* [Мо, 2014, с. 180, 198]. Герой Мо Яня *«устал рождаться и умирать»*, как и Лидия, совпавшая в финале с Шестым патриархом и обретшая покой.

Роман Мо Яня, как и роман А. Л. Иванченко «Монограмма», содержит в себе мотив преодоления истории и судьбы. Симэнь Нао, по воле Яньло-вана, интенсивно воплощается, получая возможность смотреть на себя и на своих близ-

ких раз за разом и с разных сторон, избывая свою ненависть и иные омрачения, помогая членам своей семьи: *« – Симэнь Нао, все про тебя мне известно, осталась ли еще ненависть в сердце твоём?»* [Мо, 2014, с. 190]. Симэнь Нао, расстрелянный в самом начале новой жизни, прощает своих убийц, восприняв мир вокруг себя как большую семью, где все, если не сейчас, то в прошлом, были другу другу родственниками или будут родственниками в будущем, где все одинаково страдают из-за своей нравственной слепоты.

Другим средством преодоления трагической истории и собственной обособленности у Мо Яня является природный, животный и растительный мир, живущий по естественным законам, существующий за пределами актуальной политики. Этот мир в романе «Устал рождаться и умирать» сберегает человеческую реальность, оказывает на нее целительное действие, проникая в нее разными способами.

Лида прячется в библиотечном пространстве «запредельного» города У., в своем зазеркалье, для героев Мо Яня основное спасительное пространство – это мир усадьбы Симэнь, в центре которой, подобно мировому дереву, растет абрикос, возле которой большинство из них окажется похоронено, над которой светит прекрасная луна. Трехчастный мифологический мир романа «Устал рождаться и умирать» (в другом переводе – «Утом-

ленный кармой») не дарит Симэнь Нао освобождения, но дает ему покой переосмысления. (Тун Дань Дань в статье «О смысле названия романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать»» обращает внимание, что «В китайском тексте романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» есть эпиграф, в котором объясняется фраза Будды о том, что человек страдает от своих больших желаний, и чем меньше желаний у него будет, тем быстрее душа достигнет просветления и покоя» [Тун, 2017, с. 233].) Оптические эффекты, порожденные лунной, иллюзорны, но красивы, и эта вечная красота, по мысли Мо Яня, – третье средство для преодоления судьбы и истории.

Романы А. Л. Иванченко «Монограмма» и Мо Яня «Устал рождаться и умирать» отталкиваются от трудной и неоднозначной истории России и Китая, память о которой соединяет в себе уважение к величию государственного и культурно-

го замысла и горечь от отдельных трагических последствий его реализации. Но в центре этих произведений – не 30–40-е годы в России и 50–60-е годы в Китае. Конкретно-историческое время и трагические события – это лишь точка отсчета для развертывания сюжета буддийского преображения главных героев. Лида и Симэнь Нао – герои, уставшие от жизни, слишком истончившиеся для нее: Лида «зеркальна», а жизнь больного гемофилией Лянь Цянсуя буквально держится на волоске. Но их истонченность не физической, а духовной природы: они познали цикличность и иллюзорность времени, и страдательность бытия. Ближе к концу того и другого романов они обращают глаза к небу – к звездам и луне, навсегда или на время обретая покой, и это забывание себя перед небесными телами и есть, вероятно, главный способ преодоления истории и судьбы.

Библиографический список

1. Альшевская А. С. Реинкарнация в романе Мо Яня «Устал рождаться и умирать»: специфика создания образов-персонажей // Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17–18 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Хмельницкий (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Хмельницкого. Минск : БГУ, 2019. С. 208–218.
2. Безносков Д. Д. Усталость от истории // Новый мир. 2015. №2. С. 195–198.
3. Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2: Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. Москва : Ладомир, 2001. 755 с.

4. Габдрашитова Р. И. Специфика феномена реинкарнации на примере произведения Мо Яня «Устал родиться и умирать» // Современные востоковедческие исследования. 2020. 2(2). С. 132–137.

5. Гайворонская-Кантомирова А. Н. На перекрестке культур: в точке боли («Прорастание» мотивов русской классики в прозе Мо Яня) / А. Н. Гайворонская-Кантомирова, К. М. Харланова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения : Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 23–25 мая 2018 года. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. С. 297–302.

6. Дубакова А. А. Монограмма в «Монограмме» А. Иванченко: о композиционной структуре романного текста // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского», Ярославль, 03 марта 2011 года. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2011. С. 137–140.

7. Иванченко А. Л. Монограмма. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб, 2005. 379 с.

8. Курицын В. Н. Иванченко: мир страждущих духов // Русский литературный постмодернизм. URL: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/5.html>. (Дата обращения: 05.05.2021).

9. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : монография ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.

10. Мо Янь Устал родиться и умирать // Электронная библиотека ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222081&p=1>. (Дата обращения: 05.05.2021).

11. Неаполитанский С. М. Энциклопедия буддизма / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. Санкт-Петербург : Институт метафизики, 2007. 928 с.

12. Сидоров С. А. Буддизм: история, каноны, культура / С. Сидоров, С. Рябов. Москва : Дизайн. Информация. Картография: Астрель: АСТ, 2005. 487 с.

13. Сорокина Т. Е. Художественная историософия современного русского романа : автореферат дисс. ... док. филол. н. : 10.01.01 / Сорокина Татьяна Евгеньевна. Краснодар, 2011. 475 с.

14. Тун Дань Дань О смысле названия романа Мо Яня «Устал родиться и умирать» // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 15. С. 233–237.

15. Хуан Жун Образ жизненного круга в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» // Litteraterra : материалы V Международной конференции молодых ученых: электронный ресурс, Екатеринбург, 02–03 декабря 2016 года / гл. ред. И. А. Семухина. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 231–233.

Reference list

1. Al'shevskaja A. S. Reinkarnacija v romane Mo Janja «Ustal rozhdat'sja i umirat'»: specifika sozdanija obrazov-personazhej = Reincarnation in Mo Yan's novel Tired of Being Born and Dying: specifics of character creation// Kitajsko-belorusskie jazykovye, literaturnye i kul'turnye svjazi: istorija i sovremennost' : materialy mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 17–18 maja 2019 g. / Belorus. gos. un-t ; redkol.:

N. N. Hmel'nickij (otv. red.) [i dr.] ; pod obshh. red. N. N. Hmel'nickogo. Minsk : BGU, 2019. S. 208–218.

2. Beznosov D. D. Uсталost' ot istorii = Tired of history // Novyj mir. 2015. №2. S. 195–198.

3. Vasubandhu. Jenciklopedija Abhidharmy (Abhidharmakosha). = Vasubandhu. Encyclopedia of Abhidharma (Abhidharmakosha). T. 2: Razdel III: Uchenie o mire; Razdel IV: Uchenie o karme / izd. podgot. E. P. Ostrovskaja, V. I. Rudoj. Moskva : Ladimir, 2001. 755 s.

4. Gabdrashitova R. I. Specifika fenomena reinkarnacii na primere proizvedenija Mo Janja «Ustal rozhdat'sja i umirat'» = Specifics of reincarnation phenomenon on the example of Mo Yan's novel Tired of Being Born and Dying // Sovremennye vos-tokovedcheskie issledovanija. 2020. 2(2). S. 132–137.

5. Gajvoronskaja-Kantomirova A. N. Na perekrestke kul'tur: v tochke boli («Prorastanie» motivov russskoj klassiki v proze Mo Janja) = At the crossroads of cultures: at the point of pain (“Sprouting” motifs of Russian classics in Mo Yan's prose) / A. N. Gajvoronskaja-Kantomirova, K. M. Harlanova // Slavjanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chtenija : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii v ramkah Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalja slavjanskih jazykov i kul'tur, Moskva, 23–25 maja 2018 goda. Moskva : Gosudarstvennyj institut russskogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2018. S. 297–302.

6. Dubakova A. A. Monogramma v «Monogramme» A. Ivanchenko: o kompozicijnoj strukture romannogo teksta = Monogram in “Monogram” by A. Ivanchenko: on the compositional structure of the novel // Kul'tura. Literatura. Jazyk: Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo», Jaroslavl', 03 marta 2011 goda. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2011. S. 137–140.

7. Ivanchenko A. L. Monogramma. = Monogram. Moskva : AST ; Sankt-Peterburg : Astrel'-SPb, 2005. 379 s.

8. Kuricyn V. N. Ivanchenko: mir strazhdushhih duhov = Ivanchenko: the world of suffering spirits // Russkij literaturnyj postmodernizm. URL: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/5.html>. (Data obrashhenija: 05.05.2021).

9. Lipoveckij M. N. Russkij postmodernizm. (Očerki istoričeskoj pojetiki) = Russian Postmodernism. (Essays on historical poetics) : monografija ; Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 1997. 317 s.

10. Mo Jan' Ustal rozhdat'sja i umirat' = Tired of Being Born and Dying // Jelektronnaja biblioteka LitMir. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222081&p=1>. (Data obrashhenija: 05.05.2021).

11. Neapolitanskij S. M. Jenciklopedija buddizma = Encyclopedia of Buddhism / S. M. Neapolitanskij, S. A. Matveev. Sankt-Peterburg : Institut metafiziki, 2007. 928 s.

12. Sidorov S. A. Buddizm: istorija, kanony, kul'tura = Buddhism: history, canons, culture / S. Sidorov, S. Rjabov. Moskva : Dizajn. Informacija. Kartografija: Astrel': AST, 2005. 487 s.

13. Sorokina T. E. Hudozhestvennaja istoriosofija sovremennogo russskogo romana = Artistic historiosophy of the modern Russian novel : avtoref. dis. ... dok. filol. n. : 10.01.01 / Sorokina Tat'jana Evgen'evna. Krasnodar, 2011. 475 s.

14. Tun Dan' Dan' O smysle nazvanija romana Mo Janja «Ustal rozhdat'sja i umirat» = On the meaning of Mo Yan's novel title Tired of Being Born and Dying // Aktual'nye problemy filologii. 2017. № 15. S. 233–237.

15. Huan Zhun Obraz zhiznennogo kruga v romane Mo Janja «Ustal rozhdat'sja i umirat» = The image of the life circle in Mo Yan's novel Tired of Being Born and Dying // Litteraterra : materialy V Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh: jelektronnyj resurs, Ekaterinburg, 02–03 dekabnja 2016 goda / gl. red. I. A. Semuhina. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2016. S. 231–233.